

18+

СЕГА САШИН

18+

ЕГО НЕ ВИДЕЛИ.
ЕГО НЕ ЗНАЮТ.
НО ОН ВСЕГДА
НА ШАГ ВПЕРЕДИ.

МАНГОЛ

КНИГА ПЕРВАЯ

КАМЧАТКА
ПЕНЖИНСКАЯ ГУБА
1984

КОГДА ЛЕГЕНДА СТАНОВИТСЯ ОРУЖИЕМ

Сега Сашин

Мангол. Книга первая

«Издательские решения»

Сашин С.

Мангол. Книга первая / С. Сашин — «Издательские решения»,

Охотник из тундры. Снайпер без лица. Палач, который помнит всех. Тайкэ вырос в старом чуме на берегу Пенжины, где дед учил его читать ветер и ждать. После смерти единственного родного человека он ушёл в большой мир — и оказался в армии, где из него сделали оружие. Чечня, Дагестан, Сирия, Лондон. Каждый выстрел приближает его к пустоте внутри. И каждый раз он возвращается в пустой чум — чистить нож, гладить собаку и не отвечать на письмо женщины, которая ждёт его уже двадцать лет.

© Сашин С.

© Издательские решения

Содержание

МАНГОЛ	6
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ 18+	7
ПРОЛОГ	8
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	9
Сын полыньи	9
Глава первая	10
Чум на берегу Пенжины	10
Глава вторая	14
Белая ворона	14
Глава третья	18
Последняя зима	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Мангол Книга первая

Сега Сашин

Дизайнер обложки Сергей Юрьевич Гурьянов

© Сега Сашин, 2026

© Сергей Юрьевич Гурьянов, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-3729-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

МАНГОЛ

Книга первая

Северный психологический триллер

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ 18+

Книга предназначена для совершеннолетних читателей. Текст содержит сцены насилия, описания убийств и последствий боевых действий, упоминания оружия, жестокости, а также ненормативную лексику. Не рекомендуется лицам младше 18 лет.

ПРОЛОГ

Тот, кого не видели
Лондон, The Armitage London, закрытый верхний уровень
14 ноября 2019 года
23:47

Охрана закрытого верхнего уровня сменилась три минуты назад. Старые уже перестали помнить техника, новые ещё не успели к нему привыкнуть. Этого было достаточно.

Абдалла бин Рашид Аль-Фалахи, старший брат шейха Заида и фактический хозяин семейной службы безопасности, спал на правом боку, поджав колени к животу — поза младенца, который никогда не вырос. Два его личных телохранителя, бывшие военные из частной охраны, курили на лестнице и обсуждали вчерашний футбол. Они не слышали ничего. Они не должны были слышать.

Сервисная полость между коммуникациями была узкой, пыльной и рассчитанной не на человека, а на кабели, фильтры и руки техника. Обычный мужчина застрял бы в ней на первом повороте. Этот — не застрял, но заплатил за это кожей: на втором изгибе металл содрал ему плечо до крови. Он не издал ни звука. Выдохнул, стал тоньше, чем казался, и прополз дальше. Как змея.

На лестнице хлопнула дверь. Один из телохранителей вернулся раньше — забыл зажигалку. Человек в лазе замер, прижав язык к нёбу, чтобы не кашлянуть от пыли. Тридцать семь секунд он слушал, как за стенкой чужие ботинки скрипят по ковру. Потом дверь снова закрылась.

Укол в шею занял полторы секунды. Шприц-ручка оставила след меньше комариного укуса. Препарат должен был выключить дыхание медленно — так, чтобы первый осмотр принял смерть за приступ у человека с больным сердцем. Для всех остальных это была медицина. Для него — охота.

Человек в чёрном не ушёл сразу. В темноте сервисного лаза он слушал, как смерть работает без шума: сначала дыхание стало глубже, потом реже. Абдалла шевельнул губами — одно короткое английское слово, почти не звук, а просьба. Рука человека потянулась к стакану на тумбочке и застыла на полпути. Самое страшное в цели — то, что вблизи она всегда оказывается человеком.

Он остался до десятой минуты. Когда дыхание Абдаллы стало неровным, человек в чёрном пополз обратно. На выходе он ещё шесть минут лежал за панелью, слушая скуечающий голос охранника в техническом коридоре. Когда Абдалла бин Рашид Аль-Фалахи перестал дышать, в номере всё ещё пахло мятным чаем, дорогим одеколоном и сном.

Наличные, чужие очки, бейсболка с логотипом аэропорта — всё оставляло следы, но ни один из них не вёл к нему настоящему. Водитель запомнил его как вежливого азиата в очках, бейсболке с логотипом аэропорта и с кейсом для ноутбука. Азиат улыбнулся, сказал «thank you», вышел на втором терминале и растворился в толпе. Камеры зафиксировали лицо двадцать третьего паспорта за его жизнь, и это лицо ни разу не совпало с реальностью.

В самолёте, летевшем в Дубай, он закрыл глаза и подумал о снеге. О собачьей упряжке, бегущей по скованной льдом Пенжине. О старом чуме, где дым костра стелется по низкому потолку, потому что дед говорил: «Дым должен помнить землю. Если дым уходит в небо — ты забыл, откуда пришёл».

Его настоящее имя было Тайкэ. Позывной — Мангол.

Настоящее имя знали единицы. Позывной слышали многие, но никто не знал лица, которое пряталось за ним.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Сын полыньи

Глава первая

Чум на берегу Пенжины

Пенжинская губа — одно из самых ветреных мест на Камчатке. Здесь Охотское море встречается с материком, и встреча эта никогда не была дружеской.

В ноябре ветер с океана валит оленей с ног. В декабре температура падает до минус сорока, и человеческий голос слышен на три километра — звук не глохнет в сухом морозном воздухе, а летит, как стрела, и бьёт в уши на другом конце замерзшей реки. В январе солнце появляется на два часа в сутки — жёлтый холодный глаз на бесконечном белом поле. В феврале начинается пурга, которая может длиться неделю.

В таком месте жить можно только если ты — коряк. Или если ты решил умереть.

Унэвэт, старый коряк из рода Кэрэтки — «идущих по замёрзшей воде», — не собирался умирать. Он собирался научить внука жить так, чтобы смерть боялась его сама.

— Смотри, Тайкэ.

Мальчик, которому только что исполнилось пять лет, смотрел на дымок, поднимающийся из снежной ямы в двадцати шагах от чума. Дымок был едва замечен — тонкая струйка, которую мог заметить только охотник, знающий, куда смотреть.

— Нерпа дышит, — сказал дед. — Она пробила лёд там, где он самый тонкий. Но не там, где теплее. А там, где тише. Почему?

Тайкэ молчал. Он уже знал, что дед сам ответит, если подождать. Унэвэт не торопился. Он вообще никуда не торопился — время для него было таким же инструментом, как нож или капкан. Время работало на охотника, если охотник умел ждать.

— Потому что рыба уходит от шума под лёд. Нерпе нужно тихое место, чтобы не спугнуть рыбу. Так она ест и не замёрзнет. — Унэвэт присел перед внуком, его лицо, изрезанное морщинами, как кора старой лиственницы, приблизилось к мальчишескому. От него пахло дымом, старой кожей и чем-то сладким — трубочным табаком, который он привозил из посёлка раз в год. — Ты понял урок, маленький?

— Тишина — это еда? — спросил Тайкэ.

Дед улыбнулся, обнажив три зуба.

— Тишина — это жизнь. Но ты запомни, внук. Тишина — это ещё и клетка. Если ты научишься молчать всегда, ты перестанешь быть человеком. Надо уметь говорить. С теми, кто этого достоин.

Тайкэ тогда не понял. Понял много позже. Когда ему не с кем было говорить.

* * *

Мать Тайкэ, Айна, была дочерью Унэвэта. Она вышла замуж за геолога из Иркутска — высокого, черноволосого, с узкими глазами, которые смотрели не на небо, а в землю, будто искали там золото.

Виктор Серебров появился в стойбище летом 1984 года, в составе геологоразведочной партии. Они искали алмазы в верховьях Пенжины — слюду, кварц, может быть, золото. Виктор был молодым специалистом, только что окончившим институт, и рвался на подвиги. Он не пил, как другие геологи; не матерился; не пытался купить женщин за патроны или муку. Он просто работал. Уходил в тундру на неделю, возвращался с образцами, сидел у костра и рисовал в блокноте карты.

Он был одиноким волком. Айна это сразу заметила.

Она увидела его у реки. Он мыл руки в ледяной воде и, когда поднял голову, капли застыли в его чёрных усах, как мелкий жемчуг. Она подумала: «Этот человек не сломается». И ошиблась.

Тайкэ родился зимой 1985-го, когда лёд на Пенжине встал раньше обычного. Айна говорила, что в ночь его рождения ветер бил в чум так, будто хотел забрать ребёнка сразу. Унэвэт только подбросил в огонь мокрый плавник и сказал: «Не заберёт. Этот сам потом будет выбирать, кому уходить».

Через три года после появления Виктора в стойбище, когда Тайкэ уже бегал и пытался запрягать щенков в самодельную нарту, вертолёт унёс геолога на Большую землю. Стояла июльская пыльная погода, вертолёт поднял тучу песка, и Айна заслонила глаза рукой. Когда песок осел, вертолёт уже был точкой на горизонте.

Он обещал вернуться через месяц. Не вернулся.

Айна ждала два года. Потом перестала.

В 1989 году, когда по радио заговорили о какой-то перестройке и границы стали открытыми, Айна съездила в Петропавловск, навела справки через знакомых геологов. Ей сказали: «Виктор Серебров уехал на материк, потом в командировку в Монголию. Связи нет». Правда это было или ложь — она не узнала никогда.

— Собака не волк, геолог не муж, — говорила она, когда соседки спрашивали про отца. Голос её при этом был таким, что соседки больше не спрашивали.

Тайкэ рос с единственным мужским примером — дедом. И этот пример был лучше любого отца.

* * *

Унэвэт родился в 1928 году в чуме, который стоял на том же месте, где сейчас стоял их. Он видел приход советской власти, видел, как коряков сгоняли в посёлки, видел, как закрывали шаманов и отнимали собак. Он выжил потому, что ушёл в тундру — туда, куда даже НКВД не рисковало соваться без проводника.

В пятидесятые его нашли геологи. И предложили сделку: показывай дороги, получай муку, патроны и не трогайся с места. Унэвэт согласился. Но свой чум поставил так, чтобы до ближайшего посёлка было два дня пути пешком. Достаточно, чтобы никто не пришёл просто так.

У него была жена, Марфа, которая умерла в шестидесятые от воспаления лёгких. Сын, Геннадий, который ушёл в город и пропал. И дочь, Айна, которая осталась с отцом до конца.

Унэвэт верил в старых богов — не в того, в которого велели верить в школе, а в тех, кто живёт в камнях, реках и облаках. Он не ходил к шаманам — последний настоящий шаман умер, когда Унэвэту было двадцать. Но он разговаривал с ветром, и ветер иногда отвечал. По крайней мере, так казалось его внуку.

Когда Тайкэ было пять, Унэвэт взял его в горы.

— Смотри, — сказал дед, указывая на вершину сопки. — Видишь, снег лежит полосами? Это ветер дует всегда в одну сторону. Здесь, — он ткнул палкой в камни под ногами, — лишайник растёт только с южной стороны. Это значит, что зима здесь долгая, а лето короткое. В таком месте оленей не найти — они уходят в низины, где травы больше.

— Ты хочешь сказать, что охотиться надо там, где есть дичь? — спросил Тайкэ.

— Нет. Я хочу сказать, что прежде чем охотиться, ты должен понять, где живёт твоя дичь. Чем она дышит. Что ест. Кого боится. Тогда ты будешь не охотником. Ты будешь хозяином.

* * *

Когда Тайкэ исполнилось семь, дед начал учить его убивать.

Сначала — ловушки на песца. Капкан нужно было поставить так, чтобы снег вокруг него не отличался от целинного. Ни следа ног, ни капли пота, ни запаха железа. Песец — зверь хитрый и пугливый; он чует беду за сто шагов.

Тайкэ учился три недели.

Первые десять ловушек песцы обходили стороной — они чувствовали запах металла и человеческого пота. Тайкэ злился, хотел бросить, но дед заставил продолжать.

— Ты не охотишься на песца, — сказал Унэвэт после десятой пустой ловушки. — Ты думаешь о себе. О том, как ты устал, как тебе холодно, как ты хочешь в чум и пить горячий чай. Песцу всё равно на твои чувства. Думай о нём. Как он идёт, куда ставит лапы, когда нюхает снег. Стань им — тогда поймёшь, где поставить капкан.

На одиннадцатый день попался старый самец с седой мордой.

Тайкэ смотрел, как зверь бьётся, пытаясь перегрызть собственную лапу. Железо сдавило кость так, что хруст был слышен за десять метров.

— Пристрели, — сказал дед, протягивая карабин «ТОЗ-8».

Мальчик взял оружие. Руки дрожали. Не от холода — от того, что в груди что-то сжалось. Он смотрел в глаза песца — чёрные, блестящие, полные ужаса и боли.

— Не торопись. Пуля стоит копейку, а ошибаешься — шкура порвана, денег нет. Но главное не деньги. Главное — не заставляй зверя мучиться дольше, чем нужно. Ты — охотник, а не палач.

Выстрел. Песец дёрнулся и затих.

— Хорошо, — сказал Унэвэт. — В глаз попал. Теперьними шкуру, не порвав подшёрсток.

Тайкэ снимал шкуру три часа. Пальцы задубели от холода и крови. Когда он закончил, дед посмотрел на работу и кивнул.

— Из тебя выйдет толк.

* * *

Никто в стойбище не умел стрелять так, как Унэвэт. Стрельбу здесь чаще терпели как необходимость: олени, рыба, капканы, редкий зверь у чума. Искусством её почти никто не считал. Но Унэвэт был другим.

В молодости он ходил на охоту с русскими промышленниками и научился от них обращаться с винтовкой. Потом добавил своё — коряжское — чутьё на ветер и расстояние.

— Европейец смотрит в прицел и считает поправки, — объяснял он Тайкэ. — Короткая память у них, плохая. Они забывают, что пулю толкает ветер. А ты — запомни. Ветер тебе не друг и не враг. Он просто есть. Глупый стрелок с ним спорит, умный — слушает. Научись слушать — и попадёшь туда, куда хочешь, даже с закрытыми глазами.

Тайкэ учился читать ветер с шести лет.

Он сидел на обрыве над Пенжиной и смотрел на волны. Дед спрашивал: «Куда дует? Слева направо? А с какой силой? Соберётся ли снег в сугроб за день или разлетится?» И Тайкэ отвечал. Сначала ошибался. Потом перестал.

К девяти годам он мог определить направление и силу ветра по движению облаков, по наклону травы, по тому, как ложится снег на склонах сопки. К одиннадцати — по звуку. Ветер свистел по-разному в зависимости от скорости: низкое гудение — шесть-восемь метров в секунду, высокий свист — двенадцать и выше.

К тринадцати Тайкэ стрелял из лука в цель на пятьдесят метров и не промахивался ни разу. Из мелкашки, которую дед выменял у геологов на шкуры соболя, он клал пулю в пятак с сотни метров, даже если ветер был боковой в десять метров в секунду.

— Ты рождён не для того, чтобы пасти оленей, — сказал Унэвэт однажды вечером, когда они сидели у костра и жарили окуня. — Ты рождён для другого.

— Для чего, дед?

Старик долго молчал. Потом достал трубку — единственное, что он привёз из посёлка, где его пытались сделать «советским человеком», — и раскурил её от уголька.

— Моя бабушка рассказывала, что в нашем роду были шаманы. Не те, что бубном трясут, а настоящие — ходящие между мирами. Она говорила, что последний такой шаман умрёт в конце двадцатого века. И тогда заморозки станут сильнее, а рыба уйдёт на глубину. Я думал, это она старая и глупая. — Унэвэт выдохнул дым, и тот смешался с дымом костра. — А теперь вижу тебя и думаю: может, не умер? Может, переродился?

Тайкэ не понял тогда. Понял много позже. Когда смотрел в оптический прицел на человека за тысячу метров и чувствовал его дыхание, хотя это было физически невозможно.

Глава вторая

Белая ворона

В стойбище Тайкэ не любили.

Причина была простой и жестокой: он был слишком высоким, слишком узкоглазым, слишком тихим и слишком метким. И ещё он был чужим — наполовину коряком, наполовину русским, но с лицом, похожим на корейское.

В их стойбище мужчины в основном были коренастые, широколицые, с выступающими скулами и глубоко посаженными глазами. Тайкэ получил от отца рост сто восемьдесят семь сантиметров, от матери — разрез глаз, а от смешения двух кровей — нечто среднее, что выби- валось из общего ряда так же сильно, как белый ворон в чёрной стае.

В детстве его били.

Сильнее других — Ильга, сын вожака оленьего стада, который был старше на два года и тяжелее на десять килограммов. Ильга подкараулил Тайкэ за чумом и ударил ногой в живот.

— Ты не коряк, — сказал Ильга, нависая над ним. — Ты китаец. Китайцы трусы. Они бегают, когда видят настоящего мужчину.

Тайкэ не ответил. Он лежал в снегу и смотрел, как пар изо рта Ильги поднимается вверх белыми клубами.

— Молчишь? Правильно. Потому что правду не переспоришь.

Ильга ушёл. Тайкэ поднялся, отряхнул шубу и пошёл к деду. О побоях не сказал ни слова. Унэвэт и сам всё видел — у старика глаза были как у филина, он замечал то, что другие пропускали мимо.

— Ты не ответил, — заметил дед вечером, когда они пили чай из мятой алюминиевой кружки.

— Он сказал, что я китаец. Я не китаец. Нечего отвечать.

— А если он скажет, что ты трус?

— Я не трус. Я знаю это.

Унэвэт усмехнулся.

— У тебя есть сила, внук. Но ты не хочешь её показывать. Почему?

Тайкэ подумал.

— Потому что если покажу — придётся доказывать каждый день. А мне лень.

Дед одобрительно кивнул. Эта черта — лень к суетливому насилию и готовность к насто- ящему убийству — и делала Тайкэ особенным в глазах старого охотника.

* * *

В стойбище случилась беда, когда Тайкэ было десять.

Пришёл медведь-шатун.

Обычно медведи залегают в берлоги в ноябре и спят до апреля. Но этот медведь не спал. Он был старым, больным, с гнилыми зубами и шерстью, которая висела клочьями, обнажая кожу. Такой зверь голоден всегда, потому что не может ни охотиться, ни жевать мясо. Он жрёт всё, что движется.

Сначала пропали собаки. Две — в одну ночь. Утром хозяева нашли только клочья шерсти и кровавые пятна на снегу.

Потом медведь пошёл на чумы.

Мужчины с ружьями выстроились в линию в ста метрах от крайнего чума. Их было шестеро — вожаки, охотники, те, кто умел стрелять. Унэвэт стоял с ними, хотя был старше всех на тридцать лет.

Медведь вышел из-за сопки в сумерках. Он был огромен — даже на фоне лиственниц казался скалой, которая движется не спеша, но неотвратимо.

Выстрелы.

Дед выстрелил первым, пробил медведю плечо. Зверь взревел — звук был таким, что у Тайкэ, стоявшего в чуме и смотревшего в щель между шкурами, заложило уши. Мужчины стреляли ещё, кто-то попал в грудь, кто-то в голову, кто-то вскользь по спине.

Медведь упал.

Поднялся.

Упал снова.

И затих в двух метрах от Тайкэ, который, сам не зная как, оказался позади отцов.

В руке мальчик сжимал дедов нож — тот самый, которым дед снимал шкуры с соболей и разделявал оленей. Нож дрожал в мёртвой хватке, побелевшие пальцы не слушались.

— Отойди, внук, — сказал дед, подходя. — Он мёртв.

Тайкэ не мог отойти. Ноги не слушались. Он стоял и смотрел в мёртвый глаз медведя — жёлтый, круглый, мутнеющий, который уже ничего не видел, но всё ещё казался живым.

Ночью Тайкэ не спал.

Он лежал на оленьих шкурах, смотрел в потолок чума, туда, где сходились жерди, и слушал, как шипит фитиль в плошке с жиром.

— Дед, — позвал он шёпотом.

Унэвэт не спал. Старику вообще требовалось мало сна — четыре-пять часов, и он был свеж, как ягель после дождя.

— Я здесь.

— Мне страшно.

Дед подошёл, сел рядом на корточки, положил тяжёлую, натруженную ладонь на его плечо.

— Это не страх, внук. Это совесть. Она говорит тебе: «Ты убил живое». Даже если не ты стрелял, а другие. Ты стоял и видел. Ты был готов убить. Запомни это чувство. Если оно когда-нибудь пропадёт — ты перестанешь быть человеком. Станешь мясником.

— А ты? — спросил Тайкэ, глядя в морщинистое лицо деда. — Ты помнишь?

Унэвэт долго молчал. Потом встал, подошёл к огню, подбросил щепок.

— Помню каждого. Волк, которого я застрелил, когда мне было шесть. Олень, который смотрел на меня, пока я перерезал ему горло. Медведь, который заломал мою собаку — я его из ружья, с двадцати метров, в глаз. И людей тоже помню. Трех. На Курилах, после войны, когда нас взяли проводниками к военным. Двое пытались взять меня в плен — я их зарезал их же штыками. Третий убежал, но я его догнал. Пулей не достал, пришлось камнем добивать. — Он повернулся к внуку. Лицо его было спокойным, но глаза — старые и очень далёкие. — Я их помню не потому, что хочу. Просто они сами приходят. Иногда во сне. Иногда днём, когда режешь рыбу. Ты тоже будешь помнить, если однажды придётся. Не верь тому, кто говорит, что можно забыть.

* * *

К десяти годам Тайкэ понял, что его внешность — это не проклятие, а маскировка.

В стойбище его считали чужим, не трогали, не звали в игры. Он проводил время с собаками.

У Унэвэта было двенадцать ездовых собак — камчатская порода, крупная, лохматая, с умными жёлтыми глазами и характером, который мог сравниться разве что с медвежьим. Вожаком упряжки была сука по кличке Теюн — «Северное сияние».

Теюн весила под пятьдесят килограммов. Её шерсть была белой с серым, как зимнее небо, а глаза — янтарными, почти волчьими. Она имела привычку вцепляться в ногу любому, кто пытался отобрать у неё еду. Но Тайкэ она боготворила.

Почему — никто не понимал. Пёс — он и есть пёс. Но Теюн чувствовала в мальчике что-то своё — может, запах костра и крови, который вьелся в одежду Тайкэ так глубоко, что не выветривался даже после недели в посёлке.

Тайкэ спал с Теюн в одном спальном мешке, когда мороз опускался ниже сорока. Кормил её первым куском мяса, даже если сам оставался голодным. И она отвечала ему верностью, которую люди называют «собачьей», не понимая, что иногда она выше любой человеческой.

Когда Тайкэ было двенадцать, они шли с дедом по тундре, проверяя капканы. Вдруг Теюн остановилась, вздыбила шерсть на загривке и зарычала — низко, гортанно, так, как рычат только волки.

— Медведь, — сказал Унэвэт. — Где?

Собака смотрела влево, на склон сопки, поросший стлаником. Тайкэ вскинул ружьё — не «ТОЗ-8», уже взрослую двустволку, которую дед отдал ему год назад.

Из стланика вышел медведь. Не шатун — крупный, здоровый, сытый. Он смотрел на собаку с ленивым любопытством.

— Не стреляй, — сказал дед. — Он не голодный. Обойдёт.

Медведь обошёл. Трусить в тундре могут и медведи, и люди, и собаки. Только вот люди называют трусость по-разному — умением избегать конфликта, стратегией, мудростью.

— Ты понял, внук? — спросил Унэвэт, когда медведь скрылся за сопкой. — Иногда самое умное — не стрелять. Даже если ты можешь убить.

* * *

В двенадцать лет Тайкэ впервые в жизни взял нож, чтобы защитить чужую жизнь.

Случилось это весной, на реке Пенжине. Лёд уже начал ломаться, но по краям ещё держался. Трое парней из стойбища — Ильга и двое его приятелей — загнали на лёд Павлю, дочь рыбака.

Павля была слабой. Она заикалась, плакала по любому поводу, боялась собак и грозы. Идеальная жертва.

— Прыгай, — сказал Ильга, указывая на трещину в центре реки. — Китайцы прыгают. Ты же хочешь быть китайкой?

Павля заплакала.

— Пустите.

— Прыгай, кому сказали! — Ильга толкнул её к трещине. Лёд треснул под ногой девчонки, и она вскрикнула, отшатнулась.

Тайкэ подошёл сзади. Теюн шла рядом, и шерсть на её загривке стояла дыбом. Мальчик и собака двигались беззвучно — живой механизм, отлаженный тысячами часов в тундре.

— Отойди от неё, Ильга.

Ильга обернулся. Увидел Тайкэ, и на его лице мелькнуло что-то странное — смесь страха и ненависти. Страх — потому что он помнил медведя. Ненависти — потому что боялся признать, что этот «китаец» сильнее.

— Китаец пришёл защищать китайку?

— Она не китайка. И я не китаец. Я сказал — отойди.

Ильга шагнул вперёд. Он был на голову ниже Тайкэ, но шире в плечах и тяжелее на двадцать килограммов. Его приятели обступили Тайкэ с двух сторон.

— Уйди по-хорошему, — сказал один из них. — Не твоё дело.

Тайкэ молчал. Потом молниеносным движением — тем самым, которому учил его дед, — выхватил нож из чехла на поясе. Лезвие, смазанное рыбьим жиром для защиты от влаги, сверкнуло на весеннем солнце.

Ильга рассмеялся. Но смех был натянутым, как пересохшая тетива.

— Ты испугался?

— Нет, — сказал Тайкэ спокойно. — Я делаю так, чтобы ты испугался.

Он шагнул вперёд. Не быстро, не медленно — так, как ходят волки, когда не оставляют жертве шанса на бегство. Ильга попятился. Его приятели — тоже. Трещина в льду осталась позади.

— Уходи, — повторил Тайкэ.

Ильга ушёл. Он ещё попытался сделать вид, что уходит сам, по своей воле, но его спина говорила о другом. Спина говорила о позорном отступлении.

Павля стояла на льду, трясаясь, слёзы замерзали на щеках.

— Спасибо, — прошептала она.

Тайкэ убрал нож, повернулся и пошёл к чуму. Теюн бежала рядом, и в её жёлтых глазах не было удивления — только одобрение.

Дед, сидевший на шкуре у входа и якобы строгавший палку, поднял голову.

— Ножом не ударил.

— Не пришлось.

— А если бы пришлось?

Тайкэ посмотрел деду в глаза.

— Ударил бы.

Унэвэт помолчал, потом достал трубку.

— Добро, — сказал он. — Иди, я сварю чай.

Вечером Павля принесла к их чуму маленький узелок с сушёной рыбой. Стояла у входа, мяла рукав и смотрела не на Тайкэ, а на землю.

— Я никому не скажу, что ты плакал после медведя, — сказала она вдруг.

Тайкэ поднял глаза.

— Я не плакал.

— Не сегодня. Тогда. Я видела. — Павля пожала плечами. — Это ничего. Мой отец говорит: кто совсем не плачет, тот потом режет людей, как рыбу.

Она убежала, не дожидаясь ответа. Тайкэ долго смотрел ей вслед. Это была первая девочка, которая не испугалась его ножа. И первая, кто сказал ему правду так просто, будто бросила камешек в реку.

Глава третья

Последняя зима

За месяц до смерти матери Тайкэ совершил свою первую и единственную охотничью ошибку.

Он ставил петлю на зайца — рукодельную, из конского волоса, невидимую в снегу. Но поставил не там, где ходил заяц, а там, где ходила лиса. В петлю попался песец — молодой, красивый, с серебристой шкурой, которая стоила бы на базаре полмешка муки.

И Тайкэ его проворонил.

Он должен был проверить ловушки утром — дед всегда вставал затемно, когда солнце ещё не показывалось из-за сопок. Но ночью была метель, и Тайкэ задержался в тёплом спальнике. Он подумал: «Погодит зверь час-другой. Чего ему сделается?»

Песец провисел в петле шесть часов.

Он был ещё жив, когда Тайкэ подошёл, — бился, хрипел, смотрел чёрными глазами, полными ужаса и боли. Передние лапы были стёрты до кости — пёс пытался перегрызть волос, вырваться, и от этого с каждым часом сходил с ума.

— Пристрели, — сказал дед, не глядя. Голос его был жёстким, как гранитная скала.

Тайкэ пристрелил. Но шкура была испорчена — пёс выдрал клоки шерсти, пытаясь освободиться. Такую шкуру можно было выбросить.

— Тебе было лень встать рано, — сказал Унэвэт. — Из-за твоей лени зверь мучился шесть часов. Запомни это, внук. Ошибка охотника — это не его смерть. Ошибка охотника — это смерть его совести.

Тайкэ запомнил. Он никогда больше не опаздывал к ловушкам. Никогда.

* * *

Айна, мать Тайкэ, погибла седьмого февраля 1999 года.

В тот день она поехала в соседнее стойбище за мукой. Дорога шла по замёрзшей реке, и путь туда и обратно занимал пять часов на собаках. Тайкэ остался с дедом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.